

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.081-094

Н. Е. Кантор

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Прижизненный личный фонд как юридическое alter ego своего учредителя

Резюме. Личные фонды представляют собой юридические лица особого рода, сочетающие черты унитарных и корпоративных, коммерческих и некоммерческих юридических лиц, вещных и обязательственных правоотношений. Законодательные рамки, определяющие внутреннее устройство личного фонда, позволяют создать конструкцию с ограниченной автономией воли как продолжение личности самого учредителя (юридическое alter ego). Личный фонд как номинальный собственник, подчиненный контролю и экономическому интересу учредителя, требует отдельной правовой квалификации по критериям, установленным в трастовых юрисдикциях для фиктивных и иллюзорных трастов. Совокупными критериями иллюзорности личного фонда выступают: отсутствие цели, отличающейся от цели корпоративного лица; создание фонда на определенный срок; отсутствие выгодоприобретателей; полный управленческий контроль учредителя; выполнение функций управляющего связанным с учредителем лицом; отсутствие его самостоятельности; отсутствие фактического разделения имущественных масс учредителя и фонда (их смешение). Дана экономическая и правовая оценка целесообразности использования механизма взаимной субсидиарной ответственности фонда и его учредителя. Для защиты интересов кредиторов учредителя фонда, обязательства перед которыми возникли до момента учреждения фонда, предлагается установить солидарную ответственность фонда вместо субсидиарной. Субсидиарная ответственность учредителя по обязательствам фонда не имеет экономических и правовых предпосылок, в связи с чем от нее следует отказаться.

Ключевые слова: личный фонд; бенефициарное владение; выгодоприобретатель; бенефициар; номинальный собственник; субсидиарная ответственность; целевая правоспособность; трасты; иллюзорный траст; некоммерческая организация; дихотомия юридических лиц

Для цитирования: Кантор Н. Е. Прижизненный личный фонд как юридическое alter ego своего учредителя. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 81–94. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.081-094

A Lifetime Personal Trust as the Legal Alter Ego of Its Founder

Natalia E. Kantor

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Personal trusts are legal entities of a special kind, combining the features of unitary and corporate, commercial and non-commercial legal entities, property and contractual legal relations. The legislative framework governing the internal structure of a personal trust allows for the creation of an entity with limited autonomy of will, functioning as an extension of the founder's own personality--a legal alter ego. A personal trust, as a nominal owner subordinate to the control and economic interest of the founder, requires separate legal classification based on the criteria used in trust jurisdictions for sham and illusory trusts. The cumulative criteria for the illusory nature of a personal trust include the absence of a purpose distinct from that of a corporate entity; the establishment of the trust for a fixed term; the lack of beneficiaries; full managerial control of the founder, the lack of their independence; and the absence of a factual separation between the founder's and the foundation's assets (commingling). The economic and legal assessment of the expediency of using the mechanism of mutual

© Кантор Н. Е., 2025

subsidiary responsibility of the foundation and its founder is given. To protect the interests of the founder's creditors — whose claims arose before the foundation's establishment — it is proposed to impose solidary liability on the trust instead of subsidiary liability. Subsidiary liability of the founder for the obligations of the trust has no economic and legal prerequisites, and therefore it should be abandoned.

Keywords: personal trust; beneficial ownership; beneficiary; nominal owner; subsidiary liability; target legal capacity; trusts; illusory trust; non-profit organization; dichotomy of legal entities

Cite as: Kantor NE. A Lifetime Personal Trust as the Legal Alter Ego of Its Founder. *Lex russica*. 2025;78(7):81-94. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.081-094

Введение

Личный фонд в российском правовом порядке — явление достаточно новое, но набирающее популярность среди состоятельных граждан, правильно оценивших преимущества и потенциал данной формы юридического лица¹. Конструкция личного фонда позволяет обеспечить эффективное профессиональное управление личным капиталом, сохраняя при этом имеющийся бизнес, в том числе посмертно, удовлетворяя интересы назначенных выгодоприобретателей. Свобода в определении структуры органов управления, срока деятельности фонда, льготы в налогообложении вкупе с возможностью ведения предпринимательской деятельности создают уникальный правовой режим. Личный фонд (в том числе международный) как правовой инструмент должен способствовать деофшоризации, переезду активов из трастовых юрисдикций в российский правовой порядок, тем более что учреждение российскими гражданами трастов в настоящее время ограничено².

Требование п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ к минимальной стоимости имущества для создания прижизненного фонда весьма солидно — 100 млн руб. (для международных личных фондов — 500 млн)³, что делает данный правовой инструмент доступным для значительно меньшего числа лиц, нежели создание распространенных в обороте хозяйственных обществ. Значительный размер первоначального имущественного фундамента личного фонда и необхо-

димость тонкой индивидуальной юридической настройки его внутренних документов изначально определяют серьезность намерений учредителя и отказ от недобросовестного использования личных фондов для злонамеренных целей, с которыми правоприменители сталкиваются при банкротстве хозяйственных обществ как относительно доступной «корпоративной ширмы» ввиду низкой финансовой и трудозатратности их учреждения. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов перспективы использования фондов для таких целей, как бронирование имущества от обращения взыскания третьими лицами, снижение риска признания учредителя фонда контролирующим лицом (в целях избежания субсидиарной ответственности при процедурах банкротства)⁴, использование фонда вместо формы хозяйственного общества или товарищества для оптимизации налогообложения.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является прижизненный личный фонд (далее — фонд, личный фонд) как субъект, совмещающий в себе элементы коммерческой и некоммерческой организации, а также признаки классических фондов и трастов. Цель исследования состоит в определении потенциальных возможностей конструкции фонда для создания правового режима бенефициарного владения, а именно: для сохранения учредителем контроля за имуществом, переданным фонду, за действиями управляющего, для использования фонда как своего юридического

¹ На конец 2024 г. в государственном реестре содержатся сведения о более чем 120 таких субъектах. См.: URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2024/6763f7a89a7947e56416d0a4?ysclid=m55g1bq39c425218046>.

² Решение Совета ЕС 2022/576 от 08.04.2022 о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 833/2014, касающийся ограничительных мер в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на Украине // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0576> (дата обращения: 17.01.2024).

³ Пп. 2 п. 3 ст. 12.15 Федерального закона от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

⁴ Кошелев Я. С. Личные фонды: «русские трасты» как новый импульс развития российского права // СПС «КонсультантПлюс». 2023.

alter ego. Анализу будут подвергнуты правовые последствия такого правового режима с позиции кредиторов в случае недостаточности личного имущества учредителя фонда, а также эффективность установленной законодательством взаимной субсидиарной ответственности учредителя и фонда как правового механизма.

1. Особенности личного фонда в сравнении с зарубежными аналогами

Сравнение российского личного фонда с европейскими частными фондами приводит к выводу об их сходстве ввиду наличия у обоих статуса юридического лица. Например, в Германии фонд (*Stiftung*) является юридическим лицом и определяется как правоспособная организация для управления имуществом, целенаправленно переданным учредителем фонда⁵.

За пределами формального сходства мы найдем существенные различия, поскольку отечественные личные фонды могут не иметь идеальных целей (не выполнять роль «целевого имущества»): законодатель относит определение цели к уставу, никоим образом не ограничивая ее содержание. Такая цель может быть и сугубо частной, направленной, например, на генерацию доходности от управления имуществом (в том числе за счет налоговых льгот личных фондов). В Германии же фонды должны нести общественную пользу и иметь внешние цели (т.е. не могут быть направлены только на обособление имущества, рост активов или удовлетворение интересов самого учредителя).

Самонаправленность фонда, т.е. совмещение его цели и имущества, в результате чего фонд существует ради самого себя («фонд ради фонда»), создание фонда только для обособления имущества в европейском праве не допускается⁶. В европейском законодательстве обычно содержится общее правило о наличии идеальной цели, с некоторой нюансировкой в части обеспечения интересов членов семьи (например, в праве Лихтенштейна)⁷.

Еще одно проявление гибкости конструкции личного фонда состоит в том, что, не имея внешней цели, фонд может иметь заранее определенных бенефициаров (в том числе учредителя, членов его семьи) или вовсе может не иметь бенефициаров (п. 1 ст. 123.20-5 ГК РФ).

Создавая обязательственно-правовые отношения с выгодоприобретателями, фонд демонстрирует отсутствие общественной значимости в своей деятельности и реализацию частных интересов ограниченного круга лиц. Такое решение не соответствует идеальным целям классических европейских фондов, а также идеям социальной функции собственности и развивающейся концепции ESG (устойчивого развития).

В отсутствие бенефициаров личный фонд представляет собой еще более догматически уязвимую конструкцию. Такой возможности способствует структурирование управления имуществом через юридическое лицо, а не договорную конструкцию, в результате чего создается формальная оболочка искусственного субъекта.

В обязательственных отношениях подобное невозможно. Так, согласно п. 1 ст. 1012 ГК РФ доверительное управление осуществляется в интересах учредителя или указанного им лица. Фидуциарное соглашение, в силу ст. 2028 Французского гражданского кодекса, является договором в пользу третьего лица. «Германский траст» (*Treuhand*) — также договорная конструкция, в соответствии с которой управляющий в отношениях с третьими лицами выступает полноценным собственником (учредитель остается «экономическим» собственником), но обязан использовать свой правовой статус только в согласованном порядке⁸.

Отсутствие бенефициаров — ключевое отличие личного фонда от англосаксонского траста, который создается именно для удовлетворения интересов бенефициаров: их отсутствие позволяет ставить вопрос о фиктивности траста (об этом речь пойдет ниже).

В связи с этим справедливо звучит критика самоцелевых личных фондов (т.е. преследую-

⁵ § 80 Гражданского уложения Германии // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: *Тимербулатова Е. Д.* Конструкция наследственного фонда в России и Германии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 140–164 ; *Заикин Д. П.* Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021 ; *Капустин А. Н.* К вопросу о допустимости конструкции самоцелевого фонда // Гражданское право. 2023. № 4. С. 42–45.

⁷ *Тимербулатова Е. Д.* Указ. соч. С. 140–164.

⁸ См.: *Rehahn J., Grimm A.* Country report: Germany // The Columbia Journal of European Law Online. Fall 2012. Vol. 18/2. P. 100–102.

ших только цели преумножения и сохранения переданного имущества), а предложение закрепить требования о наличии у таких субъектов выгодоприобретателей и идеальных целей⁹ нуждается в должной оценке.

Бессрочное существование фонда без выгодоприобретателей и без общепользуемой цели не имеет экономической логики, а потому в рамках действующего регулирования вероятны следующие варианты структурирования фонда:

1) фонд создается как срочный (например, для достижения определенных показателей) с последующей ликвидацией при наступлении срока (пп. 2 п. 11 ст. 123.20-4 ГК РФ);

2) учредителем после учреждения фонда будут изменены условия управления и назначены выгодоприобретатели (для этого устав не должен содержать запрета на изменение таких условий (п. 8 указанной статьи);

3) фонд будет преобразован в общественно полезный фонд по решению учредителя (п. 10 указанной статьи).

Обособление имущества в конструкции юридического лица с частными, а не публичными целями, без назначения бенефициаров, ориентировано на рост благосостояния учредителя с одновременным бронированием имущества от взыскания кредиторов (за рамками срочной субсидиарной ответственности согласно п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ). Такая конструкция личного фонда выступает юридическим *alter ego* своего учредителя, что имеет свои экстерналии для гражданского оборота.

2. Личный фонд — результат догматического компромисса в российском правопорядке

2.1. Некоммерческий статус личного фонда

Личный фонд искусственно вписан в дихотомию юридических лиц «коммерческие-некоммерческие» как некоммерческая организация, с явным преуменьшением значимости коммер-

ческой составляющей. Так, фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью (связанной с уставной целью, которая не имеет явно выраженных ограничителей, но должна быть очевидно связана с управлением имуществом), создавать и участвовать в хозяйственных обществах, имеет правовой статус квалифицированного инвестора¹⁰.

Личные фонды не являются традиционной формой некоммерческой организации¹¹, в связи с чем Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» с 8 августа 2024 г. содержит оговорку (п. 3 ст. 1) о нераспространении его действия на личные фонды (в том числе международные). Данное сочетание предпринимательства и некоммерческого статуса, налоговых льгот в конструкции личного фонда подчеркивает условность деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие по критерию «цель деятельности».

Пункт 1 ст. 123.20-4 ГК РФ основной задачей фонда называет управление переданным ему гражданином — учредителем имуществом, а также иным имуществом в соответствии с утвержденными условиями управления.

Законодательные формулировки не исключают максимизацию прибыли (доходов от использования имущества фонда) как основную уставную цель. Экономически фонды стимулируются к получению «пассивного» дохода в форме дивидендов, доходов от распределения прибыли, процентного дохода от долговых обязательств, реализации акций (долей), инвестиционных паев, операций с производными финансовыми документами, доходов от реализации и сдачи в аренду объектов недвижимости. Дело в том, что пониженная налоговая ставка на прибыль 15 % (вместо 25 %) применяется, если доход по перечисленным операциям фонда составляет более 90 % от суммы его общих доходов¹².

Таким образом, в личном фонде мы видим черты холдинговой компании, аккумулирую-

⁹ Капустин А. Н. К вопросу о допустимости конструкции самоцелевого фонда // Гражданское право. 2023. № 4. С. 42–45.

¹⁰ Пп. 10.4 п. 2 ст. 51.2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

Данный статус позволяет, например, приобретать инвестиционные паи закрытого и интервального паевых инвестиционных фондов, предназначенные для квалифицированных инвесторов. См.: ст. 14.1 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

¹¹ Рузакова О. А., Демкина А. В. Перспективы развития законодательства о личных фондах // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 17.

¹² П. 1, 1.18 ст. 284, ст. 284.12 НК РФ.

щей доходы от размещения активов в различных инвестиционных инструментах. Например, владелец ритейл-бизнеса «Глория Джинс» передал созданному им личному фонду долю участия в ООО «ВВМ Инвестментс»¹³ для управления основными операционными компаниями.

В конструкции личного фонда также преломляется и запрет на распределение прибыли как другой квалифицирующий признак некоммерческих организаций¹⁴.

Дозволяя распределять доходы от деятельности личного фонда выгодоприобретателям, коим может быть сам учредитель фонда, а также иные лица, передавшие фонду свое имущество¹⁵, законодатель создает квазикорпоративный механизм — распределение прибыли. При этом передача имущества (имущественных прав) выгодоприобретателям — физическим лицам и (или) отдельным категориям лиц из неопределенного круга физических лиц не признается объектом налогообложения (пп. 24 п. 2 ст. 146 НК РФ).

2.2. Личный фонд как субъект *sui generis*

Личный фонд выступает компромиссным решением для российского правопорядка, отрицающего расщепление правомочий собственника. Это позволяет обособить имущество за вуалью юридического лица — собственника и разрешить вопросы ответственности по обязательствам учредителя и фонда, что затруднительно в рамках договора доверительного управления и паевого инвестиционного фонда (как альтернативных вариантов профессионального управления имуществом).

Другой вопрос, что обособление имущества в фонде имеет специфические особенности, которые позволяют отнести личные фонды к юридическим лицам *sui generis*, сочетающим в

себе не только черты различных форм (корпоративных и унитарных, коммерческих и некоммерческих), но и вещные и обязательственные элементы (к последним следует отнести субсидиарную ответственность, обязательства перед выгодоприобретателями).

Субсидиарная ответственность в большей мере свойственна публично-правовым образованиям как учредителям казенных юридических лиц¹⁶, которым имущество передается на ограниченном вещном праве. Несмотря на то что данная конструкция выступает предметом длительной критики в связи с ее рудиментарностью¹⁷, она позволяет реализовывать общественно значимые задачи через отдельные субъекты, обеспечивая баланс интересов контрагентов (получение исполнения обязательства в случае недостаточности имущества / денежных средств казенного предприятия или учреждения) и публичного собственника (сохранение значимого для государства имущества и самого субъекта).

Важно, что в отличие от казенных форм личные фонды обладают общей конкурсной способностью (ст. 65 ГК РФ), т.е. кредиторы имеют общие для других организационных форм юридических лиц средства защиты в случае несостоятельности фонда. Внеконкурсная субсидиарная ответственность учредителя выводит фонды и их кредиторов на уровень особо значимых для оборота субъектов, что не имеет под собой веских оснований: кредиторы фонда рискуют не более, чем кредиторы корпораций.

Представляется, что конструкт субсидиарной ответственности связан с идеей сохранения имущества, переданного в управление. Дефиниция, определяющая существо личного фонда (п. 1 ст. 123.20-4 ГК РФ), указывает на управление переданным имуществом как основное содержание деятельности данной формы юридического лица.

¹³ «Глория Джинс» перешла в собственность личного фонда Владимира Мельникова (24.07.2024) // URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/gloriya_dzhins_pereshla_v_sobstvennost_lichnogo_fonda_vladimira_melnikova/ (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁴ Степанов Д. И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 60.

¹⁵ После изменений с 8 августа 2024 г. из п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ исключен запрет на безвозмездную передачу имущества фонду иными лицами.

¹⁶ Помимо этого, субсидиарная ответственность публичных собственников предусмотрена по обязательствам бюджетного и автономного учреждений, связанным с причинением вреда гражданам, а также по обязательствам, вытекающим из публичного договора при ликвидации таких учреждений, при недостаточности имущества учреждения (п. 5, 6 ст. 123.22 ГК РФ).

¹⁷ См.: Кантор Н. Е. Гражданско-правовые проблемы создания и деятельности юридических лиц, учреждаемых публично-правовыми образованиями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Специалисты подчеркивают важность сохранения всех характеристик имущества и имущественных прав, передаваемых в личный фонд, что соответствует интересам учредителя и выгодоприобретателя¹⁸.

Однако закон не содержит требований по сохранности переданного учредителем фонду имущества. Предсказуемость судьбы имущества фонда является предметом урегулирования в условиях управления личным фондом (т.е. относится к дискреции учредителя фонда).

Условия предоставления налоговых преимуществ стимулируют фонды не к производственной деятельности, а к передаче имущества (например, имущественного комплекса предприятия) в уставные капиталы хозяйственных обществ или инвестиционным фондам. Такая передача трансформирует идею управления имуществом учредителя в получение прибыли в рамках корпоративных и различных инвестиционных механизмов. Представляется, что это может затруднить защиту интересов кредиторов учредителя даже в течение срока субсидиарной ответственности фонда: имущественным фундаментом фонда будут не вещи, работы, услуги (кроме деятельности по передаче недвижимости в аренду), а «второй этаж» экономико-правовой конструкции имущественных отношений — «фиктивные вещи» (ценные бумаги, доли участия, инвестиционные механизмы), абстрактные носители стоимости¹⁹.

2.3. Взаимная субсидиарная ответственность учредителя и фонда — особое обеспечительное правоотношение

Принцип отделения подразумевает разделение правосубъектности юридического лица и его учредителя, с соответствующим имущественным обособлением и следующей из этого самостоятельной имущественной ответственностью учредителя и юридического лица. Наличие взаимной ответственности фонда и его учредителя перед кредиторами (в течение трех лет со дня учреждения с возможностью увеличения срока до пяти лет при наличии уважительных причин на стороне кредитора) трансформирует принцип отделения, как он толкуется применительно к юридическим лицам. В период дейст-

вия зеркальной субсидиарной ответственности фонд выступает продолжением сущности учредителя.

Установленный законодателем механизм субсидиарной ответственности догматически спорен, особенно в отсутствие требования о сохранности имущества или минимальной стоимости активов фонда в такой период.

Закон не связывает обращение к субсидиарному ответчику с какими-либо недобросовестными действиями при учреждении фонда, существованием требований кредиторов на момент учреждения и пр. Требования могут быть заявлены в рамках общегражданских механизмов взыскания, которые, однако, имеют существенные бреши применительно к рассматриваемым правоотношениям.

Так, кредиторы учредителя находятся в уязвимом положении, поскольку могут узнать о факте создания фонда только после вступления в силу судебного акта в отношении должника — учредителя фонда²⁰ — это связано с отсутствием опубликования факта создания фонда определенным лицом. Возможен пропуск срока для взыскания с фонда как субсидиарного ответчика. Не менее уязвимо и положение кредиторов фонда: отсутствует определенность имущественного статуса фонда (наличие у него имущества) вследствие зеркальной ответственности фонда по долгам учредителя, причем срок подвижен до 5 лет.

Взаимная субсидиарная ответственность потребует достаточно сложного иерархического субординирования требований кредиторов учредителя, контрагентов фонда, его сотрудников, выгодоприобретателей.

Спорным также представляется положение о субсидиарной ответственности учредителя по обязательствам фонда.

Во-первых, неясно, почему законодатель предвидит, что именно в течение 3 (5) лет проявятся неудовлетворительные результаты деятельности фонда.

Во-вторых, справедливо ли возлагать на учредителя предпринимательские риски деятельности фонда без учета фактора недобросовестности? Ответственность учредителя за выбор управляющего также не обоснована

¹⁸ Маргулис Р. Л., Маргулис Ю. В. Личный фонд: перспективное решение для управления активами // Закон. 2024. № 2. С. 87.

¹⁹ Мозолин В. П., Рябов А. А. О вертикализации предмета гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4 (10). С. 133–141.

²⁰ Кошелев Я. С. Указ. соч.

в ситуации, когда контроль за деятельностью фонда осуществляют иные лица (в отличие от корпорации, где участник сохраняет такой контроль).

В-третьих, перечень предполагаемых контрагентов фонда не содержит «слабых», требующих дополнительной защиты. Стандарты должной осмотрительности заставляют убеждаться в устойчивом финансовом положении фонда при заключении сделки и просить обеспечительные меры в случае сомнений.

Помимо этого, в отношении фонда могут применяться общие способы защиты: оспаривание сделок *ultra vires*, банкротные процедуры, ответственность оценщика за недостоверность оценки имущества при учреждении фонда, привлечение к ответственности исполнительного органа (управляющего), членов коллегиальных органов и распространение на них выработанных для контролирующих лиц правил (ст. 53.1 ГК РФ, в частности оснований ответственности за недобросовестное, неразумное поведение, применения правила делового решения²¹).

Данный перечень достаточен для защиты интересов как выгодоприобретателей, так и контрагентов фонда. Существующая же конструкция субсидиарной ответственности доктринально и практически нестабильна.

Как представляется, необходимо исходить из защиты только тех лиц, которым неизвестно о создании фонда и передаче ему имущества. Второй значимый фактор — создание фонда как юридического *alter ego* учредителя (т.е. создания режима бенефициарного владения, при котором право собственности фонда становится номинальным и его реализация полностью зависит от воли учредителя). Только в этих случаях можно говорить об ответственности фонда по личным обязательствам учредителя (исключая встречную ответственность учредителя по долгам фонда в принципе).

2.4. Фонд как продолжение учредителя при определении срока владения имуществом в целях налогообложения

Налоговое законодательство зачастую транслирует экономическое содержание отношений,

исходя из которого можно трактовать смысл частноправовых конструкций. Связанность между фондом и учредителем проявляется в этом ракурсе через порядок определения предельных сроков владения имуществом для целей освобождения доходов от налогообложения.

Так, согласно п. 17.1 ст. 217 НК РФ при определении периода нахождения имущества в собственности учредителя личного фонда учитывается срок нахождения имущества в собственности налогоплательщика до его передачи в такой личный фонд, срок нахождения такого имущества в собственности личного фонда и срок нахождения такого имущества в собственности налогоплательщика после его получения от личного фонда. Аналогично определяется минимальный предельный срок владения недвижимым имуществом (п. 2 ст. 217.1 НК РФ), непрерывный срок нахождения акций во владении согласно п. 17.2 ст. 217 НК РФ.

Таким образом, в отечественной доктрине юридического лица фонд представляется субъектом *sui generis* за счет коллаборации элементов правового статуса корпоративных и унитарных форм, в том числе предназначенных для выполнения значимой для общественных интересов функции, а также обязательно-правовых элементов.

3. Факторы, создающие правовой режим бенефициарного владения

3.1. Закрытость информации

Исследователи проблематики управления чужим имуществом указывают на то, что наделение бенефициаров траста преимуществами по отношению к кредиторам траста (правом ссылаться на траст в отношениях с третьими лицами) возможно лишь при опубликовании соответствующих действий как общим для различных юрисдикций требованием²². Баланс интересов учредителя (проистекающих из «экранированности» имущества фонда) и его личных кредиторов связывается с информированностью последних о факте обособления, публичностью этого факта (внесением в реестр, извещением, публикацией в СМИ), прозрачностью

²¹ Емелькина Я. В. Правовой статус управляющего личным фондом : магистерская диссертация. М., 2024.

²² Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. М., 2021. Т. 1 : Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение. С. 233–238.

структурирования собственниками своего имущества, что создает контролируемость рисков²³.

Вместе с тем известно, что именно конфиденциальность выступает одним из свойств трастовых отношений, привлекающих инвесторов в соответствующие юрисдикции. Именно поэтому на международном уровне принимаются меры для раскрытия конечных бенефициаров компаний и трастов (в большей мере для защиты публичных интересов, преимущественно в целях налоговой прозрачности и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма), создаются реестры бенефициарных владельцев (в некоторых странах — открытые для общественности)²⁴.

Изначально в Российской Федерации значимые для кредиторов личных фондов и их учредителей сведения содержались в государственном реестре, однако с 8 августа 2024 г. личность учредителя фонда, уставы и решения об учреждении относятся к конфиденциальной информации²⁵. Остаются закрытыми, как и ранее, сведения о бенефициарах, а отчет об использовании имущества личного фонда по общему правилу не подлежит опубликованию.

Сведения об учредителе будут содержаться в решении об учреждении, представляемом для регистрации фонда, а переход права собственности на недвижимое имущество, переход прав на доли, акции — в соответствующих реестрах. Поэтому «экранированность» определенного имущества физического лица будет известна государственным органам (для применения мер контроля в публично значимых

целях) и регистраторам. Однако личным кредиторам учредителя фонда не будет известен даже факт создания фонда, который мог бы запустить контроль за имуществом физического лица — учредителя. Могут возникнуть дополнительные сложности с получением сведений из реестров ввиду ограниченности доступа к некоторым данным.

Закрытость уставов создает риски и для самих фондов, что видно на следующем примере: поскольку предпринимательская деятельность фондов ограничивается определенными уставом целями, выход за эти цели создает сделки *ultra vires* и их оспоримость как совершенных в противоречии с целями деятельности (ст. 173 ГК РФ). Риски выхода за цели деятельности перекладываются на сам фонд: если контрагент не будет ознакомлен с содержанием устава, то сделка не сможет быть аннулирована, поскольку в предмет доказывания, согласно ст. 173 ГК РФ, входит осведомленность другой стороны сделки об уставном ограничении.

Следовательно, ознакомление контрагентов фонда с уставом (доведение до сведения кредиторов цели фонда, порядка одобрения сделок, структуры органов и пр.) в преддоговорный период находится в зоне интересов фонда.

Ограниченный доступ к данным — один из элементов режима сокрытия имущества от контроля кредиторов учредителя фонда — противоречит первоначальной идее законодателя об открытости данных ЕГРЮЛ для кредиторов учредителя²⁶. Для полной конфиденциальности специалисты допускают также учреждение фондов с привлечением «транзитных собственников»²⁷.

²³ Домшенко (Червец) Е. И. Обособление имущества субъекта гражданского права как следствие утверждения индивидуализма и условие развития предпринимательства // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 81–99.

²⁴ Например, Четвертая директива Европейского Союза 2015/849 от 20.05.2015 «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денежных средств и финансирования терроризма» // СПС «КонсультантПлюс»; Директива (ЕС) 2018/843 Европейского парламента и Совета от 30.05.2018 «О внесении изменений в Директиву (ЕС) 2015/849 о предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма и о внесении изменений в Директивы 2009/138/ЕС и 2013/36/EU» // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32018L0843> (дата обращения: 17.01.2024); Nobel A., Harari M. The state of play of beneficial ownership registration in 2020 // URL: <https://taxjustice.net/2020/06/03/the-state-of-play-of-beneficial-ownership-registration-in-2020/> (дата обращения: 17.01.2024).

²⁵ П. 1 ст. 6 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

²⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/499538-7?ysclid=m60thun6gm341075037> (дата обращения: 17.01.2024).

²⁷ Кошелев Я. С. Указ. соч.

Существенная трансформация первоначальной модели личного фонда, основанной на прозрачности, публичности факта создания фонда, становится предпосылкой для модели, где скрытый бенефициар будет реализовывать свои интересы через подконтрольное ему унитарное юридическое лицо без учета интересов своих личных кредиторов.

3.2. Контроль учредителя, ограничивающий автономию воли фонда

Общая идея фонда состоит в том, что учредитель не вовлечен в управление и не имеет имущественных прав, не является его контролирующим лицом. В отличие от корпоративных форм, деятельность некоммерческих организаций не имеет механизмов контроля со стороны участников. Это отражается, в частности, в том, что в случае «чистой» от контроля учредителя модели учредитель не будет субъектом контроля в рамках законодательства о легализации.

Деятельность некоммерческих организаций (часто успешная) с учетом современных вызовов оборота (таких как искусственный интеллект и пр.) в отсутствие корпоративного контроля объясняется исследователями через теорию целевого предпринимательства, согласно которой «цель выше, чем прибыль» обеспечивает эффективность бизнеса в большей мере, чем финансовые стимулы, предлагаемые акционерами для менеджмента коммерческих корпораций²⁸.

Следовательно, если фонд не имеет высокой цели, создан на срок, не имеет бенефициаров или бенефициаром выступает сам учредитель, то сложно представить, чтобы учредитель отстранился от контроля деятельности своего личного фонда. На тесную связь учредителя с фондом указывает срочная взаимная субсидиарная ответственность, которая выступает экономической подоплекой сохранения полного контроля учредителя за деятельностью фонда.

Российский вариант фонда позволяет сохранять тесную связь и с фондом, и с его имуществом. Диспозитивность структуры управления личным фондом и ее практическая тождествен-

ность корпоративным формам²⁹ позволяют участие учредителя в образовании всех органов (высший коллегиальный орган, попечительский совет, надзорный орган), кроме исполнительного. Контроль достигается также в рамках согласования сделок фонда и действий управляющего, возможности внесения изменений в структуру органов и непосредственно устав (п. 8 ст. 123.20-4 ГК РФ).

Контроль учредителя может сохраняться и за рамками 3-летнего (5-летнего) периода, что вполне обоснованно: в отличие от корпорации, где имеются выверенные механизмы контроля и замены неэффективного директора, в личном фонде такие механизмы неочевидны.

Полная подконтрольность личного фонда его учредителю позволяет ставить вопрос об ущербности правосубъектности фонда, особенно для случаев, когда вместе с контролем учредитель является выгодоприобретателем либо по истечении срока деятельности фонда имущество фонда подлежит передаче в собственность учредителя.

При создании структуры, когда вся деятельность фонда подчинена интересу и выгоде учредителя, последний выполняет роль бенефициарного владельца, а фонд — роль номинального собственника с ограниченной автономией воли.

При использовании формы личного фонда необходимо учитывать практику деятельности трастов. В трастовых юрисдикциях имеются доктрины притворных и «иллюзорных» трастов (взаимное существование которых остается предметом спора в литературе). Последствие такой квалификации трастов — получение кредиторами, супругами, наследниками доступа к активам, несмотря на формальное наличие траста³⁰.

Основные черты траста — наличие у доверительного управляющего фидуциарных обязательств перед бенефициарами, а также отказ учредителя от эффективного контроля или фактического владения имуществом траста.

Доктрина фиктивного траста заключается в том, что объективной цели сделки достаточно

²⁸ Hwang C., Lund D. S. Purpose and Nonprofit Enterprise (December 17, 2024). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper No. 2024-71, Virginia Law and Economics Research Paper No. 2024-35, European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 819/2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=5061739> 9.

²⁹ Качалова А. В. Личный фонд в системе юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 134.

³⁰ Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37–49.

для создания траста, и она будет недействительной только в том случае, если учредитель и трасти имеют общее намерение ввести в заблуждение, подлинное намерение создать траст отсутствует (в том числе с целью обмана третьих лиц), учредитель и доверительные управляющие не намерены соблюдать условия траста или если учредитель сохраняет контроль над активами траста. Фиктивность траста дискуссионна, поскольку это односторонняя сделка, порождающая правоотношения (формального выражения намерения достаточно для его создания), а потому постановка вопроса о фиктивности намерения некорректна, но может рассматриваться в рамках доктрины иллюзорности траста³¹.

Доктрина иллюзорности (также критикуемая в иностранных исследованиях³²) исходит из значительного контроля учредителя траста и представляет собой реакцию судов на недобросовестные намерения лиц, которые создают траст, сохраняя при этом контроль и возможность извлекать из этого выгоду в роли учредителя, что подрывает идею фидуциарных обязательств перед назначенными бенефициарами.

Вопросы притворности и иллюзорности трастов были подняты судом, например, в деле о новозеландских трастах российского банкира С. В. Пугачева, где английский суд установил, что траст был создан для введения третьих лиц в заблуждение, поскольку учредитель траста оставил за собой такую значительную степень контроля, что рассматривал имущество траста как личное³³.

Исходя из практики трастовых юрисдикций значимыми факторами действительного траста выступают: надлежащее определение целей и порядка управления трастом, независимость управляющих, отсутствие полного контроля учредителя, проведение аудитов и пр.

Контроль учредителя означает, что он ставит на первое место свои собственные интересы, а

не интересы назначенных бенефициаров, что возвращает нас к проблеме *fiduciary self-benefit* («траст ради учредителя») или самоцелевых фондов с частной целью. Контроль может проявляться в соединении функций протектора и бенефициара, наличии юридических полномочий по назначению и отстранению управляющего, наложении вето на решения последнего, эффективном контроле за имуществом траста, полномочиях на изменение состава бенефициаров и др.

Очевидно, что конструкция личного фонда допускает создание ситуации описанной «иллюзорности», однако должны учитываться особенности российского правопорядка, в котором контролируемый учредителем «самоцелевой» фонд — норма (в рамках действующего регулирования).

Вместе с тем будет сложно признать нормальной практику³⁴ создания «иллюзорных» личных фондов, в которых соединены следующие факторы: отсутствие цели, отличающейся от цели корпоративного лица; создание фонда на определенный срок; отсутствие выгодоприобретателей; полный управленческий контроль учредителя; выполнение функций управляющего связанным с учредителем лицом, отсутствие его самостоятельности; отсутствие фактического разделения имущественных масс учредителя и фонда (их смешение).

Представляется, что сделка по созданию такого фонда может быть оспорена как мнимая по иску заинтересованного лица (в том числе кредитора, супруга, наследника), если учредитель использовал фонд лишь как формальную оболочку для нарушения законных интересов других лиц, обхода права или иного злоупотребления.

Описываемый подход сущностно отличается от признания решения о создании фонда либо сделок по передаче имущества фонду недействительными по банкротным основаниям³⁵ в

³¹ *Ryan T., Gilchrist A.* Is our Trust in the Court an illusion? A critique of the law of Illusory Trusts post Clayton v. Clayton [2015] NZCA 30 // URL: https://www.otago.ac.nz/__data/assets/pdf_file/0018/332370/is-our-trust-in-the-court-and-illusion-a-critique-of-the-law-of-illusory-trusts-post-clayton-b-clayton-2015-nzca-30-715686.pdf.

³² См., например: *Bennett M. J.* The Illusory Trust Doctrine: Formal or Substantive? (June 9, 2020) // Victoria University of Wellington Law Review, Forthcoming, Victoria University of Wellington Legal Research Paper No. 7/2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622922>; URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3622922>.

³³ *Mezhdunarodniy Promyshlenniy Bank v. Pugachev* [2017] EWHC 2426 (CH.) (11 October 2017).

³⁴ Автор предвосхищает такие ситуации.

³⁵ Это предлагается в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/499538-7?ysclid=m60thun6gm341075037> (дата обращения: 17.01.2024).

деле о банкротстве учредителя, поскольку не подразумевает несостоятельность последнего.

4. Специальный способ защиты личных кредиторов учредителя, обязательства перед которыми возникли до момента учреждения личного фонда

Отдельно следует сказать об «адресной» защите интересов отдельных кредиторов, имеющих на дату учреждения фонда требования к учредителю (как с наступившим, так и не наступившим сроком исполнения). Считается, что такие кредиторы исходили из наличия определенного имущества при вступлении в обязательственные отношения с учредителем, а потому, если такое имущество передано в собственность фонда, их интерес ущемляется. Здесь требуются рамки разумного, т.к. состоятельное физическое лицо, учредившее фонд, может иметь другие активы, многократно превышающие стоимость переданного фонду имущества.

Правосубъектность личного фонда (даже созданного как *alter ego* учредителя или «иллюзорного») не позволяет ее игнорировать и, как следствие, не допускает полную консолидацию имущественных масс фонда и его учредителя без соответствующего оспаривания, которое может быть нецелесообразным для защиты интересов отдельного кредитора. Решение вопроса через «строгую» субсидиарную ответственность (не обусловленную недобросовестными действиями учредителя, а также доступную всем кредиторам учредителя — и существовавшим на дату учреждения фонда, и новым) представляется чрезмерным. Можно рассмотреть вариант замены субсидиарной ответственности фонда на солидарную и только в интересах кредиторов, существовавших на момент учреждения фонда, при доказанности ущемления их прав передачей имущества фонду.

Почему ответственность фонда должна быть солидарной, а не субсидиарной?

За рамками законодательного регулирования остался процедурный аспект реализации прав кредитора в отношении фонда как субсидиарного должника. В практике субсидиарной ответственности публично-правовых образований по обязательствам казенных учреждений

сложился подход с предъявлением иска сразу к двум соответчикам. В случае удовлетворения такого иска в резолютивной части судебного акта указывается на взыскание суммы задолженности с казенного учреждения (основного должника), а при недостаточности лимитов бюджетных обязательств — с главного распорядителя бюджетных средств³⁶. Только после того, как недостаточность имущества основного должника будет подтверждена в исполнительном производстве, судебный пристав может обратиться с взысканием на имущество субсидиарного должника.

Применение указанной процедуры по аналогии к личным фондам повлечет длительность взыскания, у фонда может вовсе не остаться достаточного имущества. Процедурные особенности субсидиарной ответственности, ее срочный характер затрудняют защиту интересов кредиторов учредителя, что позволяет ставить вопрос о солидарной ответственности фонда по личному обязательству кредитора учредителя по аналогии с солидарной ответственностью при недобросовестном распределении активов при реорганизации (п. 5 ст. 60 ГК РФ). Срабатывает также логика п. 1 ст. 46 СК РФ: при неуведомлении супругом своих кредиторов о заключении брачного договора супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания такого договора.

Если передача имущества фонду нарушает законные интересы кредиторов, обязательства перед которыми возникли до государственной регистрации фонда, такие кредиторы должны иметь доступ к имуществу фонда в соответствующем размере. Предпочтительным представляется порядок солидарной ответственности. Это мотивирует учредителя урегулировать обязательства перед личными кредиторами до создания фонда и передачи ему имущества.

Солидарная ответственность — более гибкий инструмент для единичных случаев проникновения за «вуаль» фонда, при этом не вступающий в конфликт с правилом отделения, как это делает субсидиарная ответственность фонда по всем обязательствам учредителя. Как представляется, новые кредиторы учредителя, возникшие после учреждения личного фонда по общему правилу не должны иметь доступа к имуществу фонда ни через внебанкротную суб-

³⁶ П. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации».

сидиарную ответственность, ни через солидарную (однако здесь может быть важным фактор их осведомленности о создании фонда и поведение самого учредителя по раскрытию своего имущественного статуса).

5. Передача имущества фонду третьими лицами

В ходе реформирования законодательства в 2024 г. из ст. 123.20-4 ГК РФ был исключен запрет на безвозмездную передачу иными лицами имущества в личный фонд и дозволено управление не только полученным или унаследованным от гражданина-учредителя имуществом, но также иным имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления.

Формулировки указывают на допустимость получения фондом имущества, например, по завещанию иных лиц — не учредителей фонда³⁷. Не исключают формулировки и безвозмездную передачу третьими лицами имущества для его управления совместно с имуществом учредителя (его супругом/супругой)³⁸. Это определенно сближает фонд с корпоративными формами, при этом ясной линией водораздела между ними выступает уставная цель фонда.

Может быть поставлен вопрос о создании «иллюзорного» режима не только в отношении имущества учредителя фонда, но и третьих лиц (с поправкой на отсутствие у передающего третьего лица статуса учредителя³⁹).

Правовой режим такого имущества имеет свои нюансы (например, может ли имущество третьего лица учитываться для целей удовлетворения требований кредиторов учредителя?),

что требует оценки в отдельном научном исследовании.

Выводы

1. Личные фонды сочетают в себе черты унитарных и корпоративных, коммерческих и некоммерческих юридических лиц, вещных и обязательственных правоотношений, что позволяет отнести их к юридическим лицам *sui generis* в российской правовой системе.

2. Конструкция личного фонда может быть использована для создания правового режима бенефициарного владения, при котором фонд имеет ограниченную автономию воли, контролируется учредителем и является его юридическим *alter ego* в целях генерации доходов в интересах самого учредителя. Данная конструкция соответствует отечественному регулированию, но не вписывается в логику трастов и европейских частных фондов. Толкование норм должно исходить из недопущения учреждения «иллюзорных» личных фондов.

3. Для защиты интересов кредиторов учредителя, обязательства перед которыми возникли до момента учреждения фонда, целесообразно установить солидарную ответственность фонда вместо субсидиарной.

4. Взаимная субсидиарная ответственность учредителя и фонда не имеет экономических и догматических предпосылок, стимулирует учредителей сохранять значительный контроль над фондами, что противоречит идее передачи имущества для профессионального управления. От данной конструкции (п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ) следует отказаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. Т. 1 : Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение. М., 2021. С. 233–238.

Домшенко (Червец) Е. И. Обособление имущества субъекта гражданского права как следствие утверждения индивидуализма и условие развития предпринимательства // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 81–99.

³⁷ Кошелев Я. С. Указ. соч.

³⁸ Следует учитывать, что допускается соучредительство супругов и управление их общим имуществом в личном фонде (п. 3 ст. 123.20-4 ГК РФ).

³⁹ Это позволяет, в отличие от учредителя, занимать все «позиции» в фонде, включая выполнение функций управляющего.

Емелькина Я. В. Правовой статус управляющего личным фондом : магистерская диссертация. М. : Российская школа частного права, 2024.

Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 322 с.

Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37–49.

Кантор Н. Е. Гражданско-правовые проблемы создания и деятельности юридических лиц, учреждаемых публично-правовыми образованиями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 239 с.

Капустин А. Н. К вопросу о допустимости конструкции самоцелевого фонда // Гражданское право. 2023. № 4. С. 42–45.

Качалова А. В. Личный фонд в системе юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 131–138.

Кошелев Я. С. Личные фонды: «русские трасты» как новый импульс развития российского права // СПС «КонсультантПлюс». 2023.

Маргулис Р. Л., Маргулис Ю. В. Личный фонд: перспективное решение для управления активами // Закон. 2024. № 2. С. 80–88.

Мозолин В. П., Рябов А. А. О вертикализации предмета гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4 (10). С. 133–141.

Рузакова О. А., Демкина А. В. Перспективы развития законодательства о личных фондах // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 9–18.

Степанов Д. И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 13–60.

Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 140–164.

Bennett M. J. The Illusory Trust Doctrine: Formal or Substantive? (June 9, 2020) // Victoria University of Wellington Law Review, Forthcoming, Victoria University of Wellington Legal Research Paper No. 7/2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622922> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3622922>.

Hwang C., Lund D. S. Purpose and Nonprofit Enterprise (December 17, 2024). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper No. 2024-71, Virginia Law and Economics Research Paper No. 2024-35, European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 819/2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=50617399>.

Knobel A., Harari M. The state of play of beneficial ownership registration in 2020 // URL: <https://taxjustice.net/2020/06/03/the-state-of-play-of-beneficial-ownership-registration-in-2020/>.

Rehahn J., Grimm A. Country report: Germany // The Columbia Journal of European Law Online. Fall 2012. Vol. 18/2. P. 100–102.

Ryan T., Gilchrist A. Is our Trust in the Court an illusion? A critique of the law of Illusory Trusts post Clayton v. Clayton [2015] NZCA 30 // URL: https://www.otago.ac.nz/__data/assets/pdf_file/0018/332370/is-our-trust-in-the-court-and-illusion-a-critique-of-the-law-of-illusory-trusts-post-clayton-b-clayton-2015-nzca-30-715686.pdf.

REFERENCES

Bennett MJ. The Illusory Trust Doctrine: Formal or Substantive? (June 9, 2020). Victoria University of Wellington Law Review, Forthcoming, Victoria University of Wellington Legal Research Paper No. 7/2021. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3622922> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3622922>.

Domshenko (Chervets) EI. Separation of assets of the civil law subject as a consequence of affirming individualism and a condition for entrepreneurship development. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2024;3:81-99. (In Russ.).

Dozhdev DV. The European Tradition of Private Law: Studies in Roman and Comparative Law. In 2 volumes. Vol. 1: Law, justice, legal science. Good faith. Property rights and ownership. Moscow; 2021. Pp. 233–238. (In Russ.).

Emelkina YaV. Legal status of a personal trust manager. Master's Degree Thesis. Moscow: Rossiyskaya shkola chastnogo prava; 2024. (In Russ.).

- Hwang C, Lund DS. Purpose and Nonprofit Enterprise (December 17, 2024). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper No. 2024-71, Virginia Law and Economics Research Paper No. 2024-35, European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 819/2024. Available at: <https://ssrn.com/abstract=50617399>
- Kachalova AV. Personal trust in the system of legal entities. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2023;5:131-138. (In Russ.).
- Kanashevskiy VA. The relationship of the trust members in relation to the property transferred to the trust. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2017;10:37-49. (In Russ.).
- Kantor NE. Civil law problems of creation and activity of legal entities established by public law entities. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2006. (In Russ.).
- Kapustin AN. To the question of the permissibility of the construction of a self-purpose fund. *Grazhdanskoe pravo*. 2023;4:42-45. (In Russ.).
- Knobel A, Harari M. The state of play of beneficial ownership registration in 2020. Available at: <https://taxjustice.net/2020/06/03/the-state-of-play-of-beneficial-ownership-registration-in-2020/>.
- Koshelev YaS. Personal trusts: «Russian trusts» as a new impetus for the development of Russian law. Legal reference system «Konsultant Plus:» [Electronic resource]. «KonsultantPlus». 2023. (In Russ.).
- Margulis RL, Margulis YV. Personal trust: A promising asset management solution. *Zakon*. 2024;2:80-88. (In Russ.).
- Mozolin VP, Ryabov AA. Verticalization of the subject of civil law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2010;4(10):133-141. (In Russ.).
- Rehahn J, Grimm A. Country report: Germany. The Columbia Journal of European Law Online. Fall 2012. Vol. 18/2. Pp. 100–102.
- Ruzakova OA, Demkina AV. Prospects for the personal foundations legislation development. *Lex russica*. 2024;77(7):9-18. (In Russ.).
- Ryan T, Gilchrist A. Is our Trust in the Court an illusion? A critique of the law of Illusory Trusts post Clayton v. Clayton [2015] NZCA 30. Available at: https://www.otago.ac.nz/__data/assets/pdf_file/0018/332370/is-our-trust-in-the-court-and-illusion-a-critique-of-the-law-of-illusory-trusts-post-clayton-b-clayton-2015-nzca-30-715686.pdf.
- Stepanov DI. In search of a criterion for distinguishing legal entities into two types and the principle of separation of non-profit organizations. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2007;3:13-60. (In Russ.).
- Timerbulatova ED. Construction of the inheritance fund in Russia and Germany. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2021;7:140-164. (In Russ.).
- Zaikin DP. The civil law status of trust in the Russian Federation. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2021. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кантор Наталья Евгеньевна, кандидат юридических наук, магистр частного права (РШЧП), доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
nekantor@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia E. Kantor, Cand. Sci. (Law), Master of Private Law, Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nekantor@msal.ru

Материал поступил в редакцию 22 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 7 февраля 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 22.11.2024.
Revised 07.02.2025.
Accepted 15.06.2025.